

DOI: 10.31425/0042-8795-2022-3-87-97

НЕБЕСНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

О новой книге Марины Кудимовой

ВЕРА КИМОВНА ЗУБАРЕВА

PhD

Пенсильванский университет

(19104-6305, США, г. Филадельфия, Южная 36-я ул., д. 255, Уильямс-Холл, 745;

email: vera.zubarev@gmail.com)

Аннотация. Материал представляет собой развернутый отклик на книгу современного поэта и критика М. Кудимовой «Кумар долбящий и созависимость. Трезвение и литература» (2021), затрагивающий и обсуждающий наиболее проблемные положения данного сборника критических статей и эссе — в частности, темы национальной составляющей русской литературы, литературного забвения, правительственной и критической поддержки писателей и т. д.

Ключевые слова: М. Кудимова, П. Ершов, А. Крыжановский, В. Высоцкий, русская литература, литературная критика.

Статья поступила 20.09.2021.

© 2022, В. К. Зубарева

DOI: 10.31425/0042-8795-2022-3-87-97

THE HEAVENLY COMPONENT

On Marina Kudimova's new book

VERA K. ZUBAREVA

PhD

University of Pennsylvania

(745 Williams Hall, 255 South 36th St., Philadelphia, 19104-6305, USA;

email: vera.zubarev@gmail.com)

Abstract: The paper offers an extended review of the book *High and Codependency. Recovered Sobriety and Literature* [Kumar dolbyashchiy i sozavisimost. Trezvenie i literatura] (2021) by the modern poet and critic M. Kudimova, pointing out and discussing the most problematic theses found in this collection of critical reviews and essays: in particular, the topics of the ethnic component of Russian literature, literary oblivion, and the patronage of writers by the authorities and critics, etc. Zubareva suggests and successfully proves that the scope of Kudimova's book goes beyond a philological study. The problems of literary studies overlap with contemporary issues of Russian culture which is predominantly literature-centric. Kudimova is drawn to controversial images and characters — P. Ershov, A. Kryzhanovsky, and V. Vysotsky; analysing her philological and critical essays, Zubareva discovers that the collection follows in the footsteps of the best literary critical and journalistic traditions of the Pushkin era and stimulates the mind as well as emotions, encouraging the reader to view the 19th- and 20th-c. Russian literature as part and parcel of our daily life.

Keywords: M. Kudimova, P. Ershov, A. Kryzhanovsky, V. Vysotsky, Russian literature, literary criticism.

The article was received on 20 Sept. 2021.

© 2022, V. K. Zubareva

Читать новую книгу Марины Кудимовой [Кудимова 2021]¹ — и удовольствие, и боль. Хочется постоянно цитировать, и ловишь себя на том, что цитат накопилось уже больше, чем собственного текста. А может, так и надо? Может, цитата и есть то, что требуется в первую очередь, дабы не впасть в эффект квалиа, когда явление замещается информацией о его составляющих?

Россия — страна с низким порогом презумпции. Тут подозреваются все, а жена Цезаря в первую очередь. Мастеровой Миколка, взявший на себя старуху-процентщицу и сестру ее Лизавету, раз навсегда покончил с презумпцией невинности к чертовой матери. Но есть еще порог, стесанный до основания, как мир насилия. Это презумпция трезвости. Станюкович-маринист с ней вроде тоже разобрался, но инерция бешеная. Президент вышел на трибуну, не сдобрив прическу гелем, — пьян! И его свита не в суд подает, а подозрение отводит. И сам он не уверен, идет на улицу через публику себя опробовать. Разговоров — на месяц. И это при том, что пьют все, а жена Цезаря... что там говорить! (с. 86–87)

Таким красочным, живым языком «полупрозы», как определила свой стиль Кудимова, написаны многие главы книги, в том числе о Гоголе (одна из моих любимых), о Гюго (восхитившая меня), о Лиснянской, Бершине...

«Кумар долбящий. Проблема трезвения в русской литературе». Уже само название очерчивает проекцию единого контекста глав, изначально написанных независимо друг от друга. Кумар — это абстинентный синдром, то есть один из главных признаков хронического алкоголизма или наркомании, возникающий вследствие резкого прекращения или уменьшения количества опьяняющих веществ. Это тяжкий путь трезвения, сопровождающегося порывами к возврату и жесткими переломными моментами.

По мысли Кудимовой, «трезвение» в русской литературе — необходимая ломка в процессе «твердого водружения помысла ума и стояния его у двери сердца» (Исихий Иерусалимский). «Переломаться или раскумариться — так бы я изобразила русское “быть или не быть”» (с. 115), — поясняет Кудимова.

---

1 Далее ссылки на рецензируемую книгу приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

В этом смысле книга Кудимовой шире, чем литературоведческое исследование. Это не просто своеобразный и увлекательнейший разговор о литературе и ее персоналиях, выдержанный в неподражаемой кудимовской манере — образной, раскрепощенной, ироничной по отношению к догмам и блестящей в своей доказательности. В ней литературоведческий план смыкается с насущными проблемами русской культуры, которая в основе своей литературоцентрична.

Литературоцентричность проявляет себя в самых, казалось бы, непригодных для того ситуациях. Например, в электричке (глава «Электричка: зона свободы. Александр Пушкин как вид нищенства»):

Старуха была явно не в себе. В маразме она была. Ей щедро подали, и по законам жанра следовало переходить в другой вагон, в тамбуре переложив выручку за пазуху, с глаз долой. Нет, продвинулась подальше, дала выйти партии обитателей «спального» района и продолжала урок. Потому что она, несомненно, была в прежней жизни учительницей. И профессиональный навык в ней залег в такие недра сознания, что и маразм его не тронул, не нашел, как хлеб, зарытый в период продрозверстки. И сконцентрировался этот первичный — он же последничный — навык на Пушкине Александре Сергеевиче, угнездился в нем <...> И никакого попрошайничества не было в помине. Стихами она «просвещала» затемненные зоны коллективного бессознательного. Потому что просвещение тоже входило в ее профессиональный комплекс <...> И вот, когда дошло до «Что-то слышится родное...» — дошло до самых тупых, судорога узнавания продернула вагон. И женщина напротив меня закрылась руками и прогудела сквозь этот естественный рупор, сквозь волнистые туманы выступивших слез: — Какие же мы все... И — только версты полосаты листали мутное окно негнучими пальцами (с. 324–325).

Именно это несоответствие сменяемости пассажиров и закрепленности за своим вагоном женщины, упорно цитирующей Пушкина, и вырастает до значения метафоры современной культуры. Невзирая на захлестывающую сюминутность, в ней сохранилась основа, которая упорствует, не сдается, как безумный Лир, удерживая «негнучими пальцами» высоту. И словно растворяется потолок электрички и открывается небо.

С главы о Ершове со знаменательным названием «За или против неба» открывается книга. Открывается в соответствии с той последовательностью, в которой открывалась жизнь перед будущим автором «Кумара долбящего...».

В кровь мою ритм и звук «Конька-горбунка» входил, как еда и вода, окружающая тайга и бабушка с дедом, нарастание сугроба и его постепенное оседание, даже как ангина и выздоровление, когда ноги немножко ватные, а душа повзрослевшая и постигшая в недельном лежании что-то неубиваемое. Такое приятие слова и есть, вероятно, первое чувство национальной причастности, которое, конечно, вопросов не исключает... (с. 11)

«Национальная причастность», поданная с первых строк в таком персональном ключе, становится методом исследования, который глубоко национален в своей направленности и в стремлении выявить слом писательского сознания и культуры через дуализм земного и небесного, сакрального и мирского. Мирское — это мир бушующих писательских страстей, произрастающих из смертных грехов, которые легко выводятся из подтекста литературных трений. Сакральное — это Слово, вокруг которого разворачивается драма писательских испытаний.

Пушкин в письме к А. Бестужеву из Михайловского отмечал: «Из неободренных вижу только себя да Баратынского...» [Пушкин 1979: 15]. Под ободрением имелась в виду правительственная поддержка. Кудимова пишет и о «неободренных», и о теневой стороне «ободрения».

Проблема независимости писателя решается Кудимовой в рамках освобождения от созависимости по отношению к литературной тусовке и к массовому читателю. Тема далеко не умозрительная для автора книги — поэта, литератора и общественного деятеля, прожившего долгое время вне «ободрения» и «в бойкоте со стороны литистеблишмента» [Яропольский 2010]. Чем руководствовалась она все эти сложные годы? Что поддерживало? Понимание того, что поэзия «пишется независимо от состояния культуры, вымирания самих поэтов, социальных и политических факторов. В конечном счете, независимо от того, слышит ее общество или нет <...> Чудо не нуждается в пиаре» [Яропольский 2010].

Глава о «Коньке-горбунке» развивается в нескольких направлениях, которые находят развитие в последующих главах. В этом смысле она является отправной и становится несущим основанием книги.

Небесная составляющая «Конька-горбунка» так отражает русскую мечту и русское чаяние, что безопаснее оболгать автора, чем принять

его <...> Это не мультяшное, в кудряшках, небо Warner Home Video. Это небо Куликова поля и Бородина, Сталинграда и Донбасса. В «небесной светлице» и пребывает, верим, несомненный — и совместный, нераздельный с целым народом — автор сказки, Петр Павлович Ершов. Что же до обвинения в том, что «больше ничего равного не написал», так с неба каждый день не диктуют (с. 15).

В русской литературе роль неба не прикладная и не иллюстративная. Небо — это ее почва. От него отталкиваются и к нему возвращаются все лучшие образцы русской литературы, сумевшей, как показывает Кудимова, творчески развить на национальной основе сходные идеи литературы западной. В разделе «Взор иноплеменный. Европа и Америка — учителя и ученики» два противоположных постулата описывают два полюса, на которых развиваются представления о «спасении», — «красота спасет мир» и «уродство спасет красоту» (глава «Ого, Гюго! Уродство, спасающее красоту»). Второй постулат остроумно выводится Кудимовой из творчества Гюго как предшественника Достоевского:

Гюго почти наверняка не читал Достоевского и не мог знать мучившей его формулы «Красота спасет мир». Но вполне вероятно обратное: Достоевский находился с французским гигантом в постоянном подсознательном споре, поскольку «Собор Парижской Богоматери» формулирует от противного: уродство спасет мир. Или как вариант: уродство спасет красоту. Именно так читаются отношения Квазимодо и Эсмеральды в романтическом контексте. До того, что красота нуждается в спасении, Достоевский, увы, не додумался (с. 256).

По аналогии можно сказать, что и Конек-Горбунок из сказки Ершова — это уродство, которое спасает красоту. Именно Горбунок и отвозит Ивана в терем Царь-Девицы, где «птицы райские живут», «а на тереме из звезд — / Православный русский крест».

С позиций «диктанта» небес Кудимова формулирует причину развернувшейся уже в советское время кампании, ставящей под вопрос авторство Ершова: «Есть произведения, сложенные усилием разума и чувств, а есть *продиктованные*. “Конек-горбунок” — из таких» (с. 15). Вот эта «продиктованность» и не дает покоя — нет, не писателям, а тем, кто считает себя вершителями литературного процесса. Ведь они-то лучше разбираются, кто первый, кто второй, о ком писать, а о ком замалчивать! Остается

только пойти против неба и установить свою справедливость на земле. Типичный конфликт моцартов и сальери.

Когда бы дело ограничилось лишь защитой Ершова, проблема приобрела бы локальный характер «гения и злодейства». Но нет! Весь смысл главы направлен на отстаивание места русской литературы под сводом литературы мировой. «Не стремление приписать Пушкину чужое вызывает протест, но упорное сужение круга русских авторов первого уровня», — подытоживает Кудимова. Иными словами, «узколобость, не допускающая многообразия мира Божия», страсти человеческие, замешанные на личных амбициях, выливаются во зло по отношению к литературе, сокращая ряды значимых писателей и сужая их до писателей признанных.

Этот ракурс находит продолжение в разделе «Преодоление безвестности» (о Б. Корнилове, Н. Помяловском и др.). «Литературное забвение заключается не в нечитаемости — факторе достаточно случайном, но в отсутствии фона <...> Самое страшное — это молчание» (с. 51), — пишет Кудимова, определяя одну из наиболее болезненных тем и ее собственных отношений с критикой («в Сети практически нет статей о творчестве Марины Кудимовой», — отмечал Г. Яропольский [Яропольский 2010]).

Кудимова описывает феномен замалчивания со знанием дела:

Корпоративная критика, лоббирующая определенный список авторов, в случае, если разнос не приносит дивидендов или невозможен по неоспоримым эстетическим достоинствам, применяет универсальный и самый варварский метод ампутации неподходящего писателя от литпроцесса — бойкот (с. 44).

Для поэта это тяжкое испытание. Не всякий способен его выдержать. Кудимова упоминает и о тех, и о других. Например, И. Кабыш. Глава так и называется: «Между Одиссеем и Энеем: бесстрашие Инны Кабыш»:

Бесстрашие Кабыш тут заключается в верности главной теме лирической поэзии — любви, а мудрость — в умении держать паузу и заговорить ровно тогда, когда остальные замолчали. Скажете: молчание поэта — мука, а не мудрость? Когда как... (с. 555)

И сама Кудимова относится к той же категории. По ее признанию, она «никогда не пользовалась в жизни ничьей протекцией.

Более того, когда дело дошло до первой книги», и Евтушенко предложил ей написать предисловие, она отказалась [Смирнов, Кудимова 2021].

Болью и сожалением проникнута глава об Андрее Крыжановском, наивно понадеявшемся на то, что, переключившись на импровизаторство, он займет незанятую нишу, обратив на себя внимание «наглядностью чуда», и «обескуражит ленивых зоилов, заставит их развести руками и отменить приговор» (с. 44). Увы, его несколько коммерческий план по прорыву бойкота терпит фиаско. «Все дело в том, что Андрей работал без справки, без лицензии на использование дара. То есть в глазах сплошь самозванных “экспертов” был контрабандистом и браконьером» (с. 44).

Прекрасно найденное сопоставление с Импровизатором из «Египетских ночей» Пушкина еще больше оттеняет нелепость чайний и драматизм судьбы Крыжановского, пытавшегося через импровизацию «помирить “творчество и чудотворство”» (с. 34).

Импровизаторство в «Ночах» — это игра, актерство, образ. А «Крыжановский — поэт, которого судьба поставила в абсолютно не игровую ситуацию» (с. 42). Слово «поэт» здесь является ключевым. Он именно поэт, а не эстражник, хотя замахнулся на эстрадность. А с поэтов взыскивается вдвойне.

Ассоциативный ряд уводит меня к главе о Высоцком («Трезвый взгляд на феномен Высоцкого»). Связь между Импровизатором, Крыжановским и Высоцким вырисовывается по линии актерства-неактерства, импровизаторства-псевдоимпровизаторства и успеха-провала. В отличие от Крыжановского, Высоцкий — актер. Образ, который он создал талантом актерского преображения, делает многие монологи его персонажей звучащими как импровизации на «тему», востребованную массовым зрителем:

Култ Высоцкого, если иметь в виду его поэтическую доминанту, возрос на дрожжах массовой литературы — точнее, опять-таки ее дефицита <...> «Слухач» и самоучка Высоцкий актерским нутром, скорее, угадывал потребности своих будущих адептов <...> Высоцкий, по преимуществу актер, был одновременно и зависим от наркотика государства, которое он ненавидел, и созависим в этом с большинством советских людей (с. 143, 163).

И да, и нет. Безусловно, характер, созданный Высоцким, отражал массовое сознание и при этом с блестящим остроумием

и афористичностью пародировал его в условиях «безумной больницы», что и сегодня, кстати, весьма актуально. Массовой литературы от Высоцкого никто не ждал. Не ждали ее и от Жванецкого, и от Карцева с Ильченко. Высоцкого воспринимали как целостное явление. Культ его возрос, конечно же, не на «поэтической доминанте». Словесная часть, повторюсь, у него не что иное, как моноспектакль с монологами в стихах по типу, скажем, «Горя от ума» с галереей характеров от мужских до женских. Высоцкий возрос на доминанте своего моноспектакля. Иначе бы все распалось на текст, музыку и исполнение, в которых он, бесспорно, уступал корифеям поэзии, вокала и композиции. Принять же меркантильность как первотолчок его творческого посыла мне так же сложно, как поверить в меркантильность Ершова, писавшего «Конька-горбунка» исключительно чтобы потрафить идеям народности. Такие вещи продиктованы природой художника, если речь не о посредственности.

Был ли Высоцкий «зависим от наркотика государства»? В той же мере, что и Цветаева, Бунин, Набоков, Солженицын... Ряд можно продолжить. Вопрос даже не в перемене места, а в перемене ментальности как части генотипа. Созависимость это или брак по любви, когда даешь обет быть вместе «и в радости, и в горе»? Если патология, то вся русская культура патологична.

Так или иначе, это всего лишь один из примеров того, насколько вопросы, поднятые в книге, волнуют, затрагивают и стимулируют к размышлению и полемике. Потому что книга — о личном, о том, о чем спорили на страницах «Современника» и «Сына отечества», «Литературной газеты» и «Северной пчелы» и перестали спорить на страницах современной периодики. Книга выдержана в лучших образцах критики и публицистики пушкинских времен, написана с пристрастием и любовью и сплошь проникнута энергетикой автора. В этом — один из самых больших ее плюсов. Она будит не только мысль, но и эмоции. Вокруг нее можно развивать дебаты жарче тех, которые устраиваются сегодня клубами любителей остросюжетной литературы. Это бестселлер в чистом виде.

Возвращаясь к главе о Ершове, отмечу, что завершающим мотивом ее является отношение писателя к проблеме признания. После смерти Пушкина Ершов, испытав внезапное охлаждение к нему пушкинского круга, удалился к родным пенатам, чтобы служить русской культуре в том качестве, в котором чувствовал себя полезным ей. И преуспел.

Много сделала для своего края и Марина Кудимова. В 35 лет, переехав в Загорск, она задумывает вернуть городу историческое имя преподобного Сергия Радонежского. Ей удалось собрать более миллиона подписей — и в результате город с шестисотлетней историей снова стал Сергиевым Посадом.

Эта полупроза написана отнюдь не полупоэтом. Ощущение после прочтения такое, словно тебя провели по дантовым кругам человеческого и писательского ада созависимости и чистилищу трезвения. Отголоском Дантовых эмпиреев вырастают два предпоследних раздела — «Венец и трон» и «Князь Серебряного века и их наследники» с фигурами Толстого, Достоевского, Чехова, Блока...

Но путь не пройден. На то намекает завершающий раздел книги «Пишите еще!».

Литература

Кудимова Марина. Кумар долбящий и созависимость. Трезвение и литература. СПб.: Алетейя, 2021.

Пушкин А. С. Письмо Бестужеву А. А., конец мая — начало июня 1825 г. Из Михайловского в Петербург // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 тт. / Примеч. Б. В. Томашевского. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 114–116.

Смирнов В., Кудимова М. Самобытный человек. Марина Кудимова: «С Евтущенко у меня все было, как в легенде» // Литературная газета. 2021. 31 марта. URL: <https://lgz.ru/article/13-6778-31-03-2021/samobytnyuchelovek/> (дата обращения: 25.01.2022).

Яропольский Георгий. Тамбовская волчица, живущая в Переделкине // 45-я параллель. 2010. 1 ноября. URL: https://45parallel.net/marina_kudimova/ (дата обращения: 20.01.2022).

References

Kudimova, M. (2021). *High and codependency. Recovered sobriety and literature*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

Pushkin, A. (1979). Letter to A. A. Bestuzhev, late May — early June 1825. From *Mikhailovskoe* to St. Petersburg. In: B. Tomashevsky, ed., *The complete works of A. Pushkin (10 vols)*. Vol. 10. Leningrad: Nauka, pp. 114-116. (In Russ.)

Smirnov, V. and Kudimova, M. (2021). A unique person. Marina Kudimova: 'With Evtushenko, everything seemed like a legend.' Interview by V. Smirnov.

Literaturnaya Gazeta, [online] 31 Mar. Available at: <https://lgz.ru/article/13-6778-31-03-2021/samobytnyy-chelovek/> [Accessed 25 Jan. 2022]. (In Russ.)

Yaropolsky, G. (2010). Tambov she-wolf living in Peredelkino. *45-ya Parallel*, [online] 1 Nov. Available at: https://45parallel.net/marina_kudimova/ [Accessed 20 Jan. 2022]. (In Russ.)